

Пахомий Серб, как нельзя измерить широту земли и глубину моря, сосчитать звезды на небесной высоте или исчерпать вечно текущий источник, непрерывно пополняемый из земли.¹ Писатель сравнивает себя с водолазом, ищущим жемчуг на дне морском.²

Тема неизреченности, невыразимости божественной премудрости — обычная тема в устах писателей конца XIV—начала XV века. «Временное» и конкретное слово бессильно выразить «вечные» и абстрактные истины, вскрыть непреходящий смысл событий. Писатели жалуется на свою грубость, «худость», невозможность достойно похвалить святого. Елифаный пишет, обращаясь к Стефану: «... тем же похвалити тя гряду, но не умею, елика бо изрицаю, и та суть словеса скудна, худа бо, по истине худа и грубости полна; но обаче приими сия, отче честнейший, яко отець немованиа от уст дегитшу немующу» и т. д.³

Авторы как бы не могут удержаться от выражения нахлынувших на них чувств. Описав погребение Дмитрия Донского, составитель «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» патетически восклицает: «О страшно чудо, братие, и дива исполнено! О трепетное видение и ужас обдержаше! Слыши, небо, и внуши земле! Како възпишу или како възглаголю о преставлении сего великаго князя? От горести душа язык связаетея, уста загражаются, гортань премолкает, смысл изменеться, зрак опускаеться, крепость изменяеться».⁴

Бессильный выразить свои возвышенные представления, автор стремится передать лишь свое отношение к ним, охарактеризовать их, свои чувства, возбужденные жизнью святого, извлекает из них нравоучительный смысл, учит и проповедует больше, чем передает факты. Факты в житии Стефана Пермского могли бы уместиться на одной пятидесятой произведения — все остальное, т. е. остальные сорок девять частей, посвящены взволнованным размышлениям о жизни святого.

С начала и до конца произведения автор пишет в повышенно-эмоциональном тоне, он находится в восторге и напряжении, повествует на самых высоких нотах, и это создает ту эмоциональную атмосферу, которая нужна ему для культивирования христианских чувств, умиления перед христианскими ценностями...

Авторы стремятся писать «невидимо на разумных скрыжалех, сердечных», а не на «чувственных хартиах».⁵

Невыразимость чувств, невыразимость высоты подвигов святого органически связаны со всей стилистикой житийных произведений — с их нагромождением синонимов, тавтологических и плеонастических сочетаний, неологизмов, эпитетов, с их ритмической организацией речи, создающей впечатление бесконечности чувств. Все это призвано внушить читателю грандиозность и значительность происходящего, создать впечатление его непередаваемости человеческим словом. Конкретные значения стираются в этих сочетаниях и нагромождениях слов, и на первый план выступает экспрессия и динамика. Слово становится неконкретно, «невесомо».

До крайней степени экспрессии доводятся не только психологические состояния, но и поступки, действия, события, окружающие эмоциональ-

¹ В. Яблонский. Пахомий Серб и его агнографические писания. СПб., 1908, стр. 232.

² Пахомий Серб в похвале Варлааму Хутынскому (В. Яблонский, ук. соч., стр. 253).

³ Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Елифанцем Премудрым. СПб., 1897, стр. 102. Примеры аналогичных высказываний у Пахомия Серба см. в указанной работе В. Яблонского (стр. 232).

⁴ ПСРЛ, VI, стр. 109.

⁵ Житие св. Стефана... стр. 1.